

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

И.Г. Шаблинский

РОССИЙСКИЕ АВТОРЫ О ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ РЕФОРМ (РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ КНИГ)

Шаблинский Илья Георгиевич – доктор исторических наук,
профессор НИУ «Высшая школа экономики».

Проблемы в развитии российской экономики и Российского государства, отчетливо проявившиеся после 2014 г., ставят в повестку дня вопрос о российской модернизации. В связи с этим актуальными представляются исследования, осмысливающие российский опыт реформирования государства, включая последний этап, связанный с Конституцией 1993 г. и формированием на ее основе нового конституционализма. Выбор работ для анализа этих направлений современной мысли России – безусловно, предмет субъективного подхода автора. Но именно авторам, о которых речь пойдет ниже¹, удалось рассмотреть в рамках монографической формы широкий круг вопросов, связанных с формированием современного политического режима, с соотношением власти и собственности, а главное, дать на эти вопросы убедительные ответы.

Обозначим вопросы, которые оказались в центре внимания этих работ. Первое: особенности и типы российских реформ, связанных с различными историческими эпохами. Второе: демократизация при Горбачёве в конце 1980-х годов и распад Союза ССР – события, предопределившие логику и смысл последней по времени волны реформ. Третье: это ключевой, по сути, вопрос – почему очередная попытка построения основ правового государства в России фактически закончилась неудачей? И, наконец, последнее: каковы важнейшие правовые условия модернизации в нашей стране?

1. Медушевский А.Н. Ключевые проблемы российской модернизации. Курс лекций. – М.: Директ-Медиа, 2014; Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2014. – 336 с.; Лапаева В.В. Право и политика. – М.: РАП, 2009.

О типах реформ и модернизаций

Термины «модернизация» и «проблемы модернизации» представляются тут наиболее приемлемыми. Они ассоциируются с известной социальной теорией, возникшей в середине XX в. и призванной в какой-то мере поставить под сомнение марксистскую идеологию развития.

Андрей Медушевский напоминает: «Классическая теория модернизации, созданная в 50–60-е годы XX в. американскими социологами, историками и экономистами в качестве ответа на вызов марксизма, стремилась обобщить параметры трансформации традиционного общества в новое и новейшее время. Модернизация поэтому выступала как линейный процесс, инициированный из единого центра (отождествление модернизации и европеизации), связанный в основном с экономическими и технологическими изменениями...»²

Добавим: и изменениями в правовой и политической системах. Модернизация в этих сферах означала равенство граждан как субъектов гражданских правоотношений, их равенство перед законом, признание государством ряда фундаментальных прав и свобод личности (с допустимыми их ограничениями – соответствующими национальным и правовым системам), защиту этих прав посредством судов, независимых от администраций, выборность и сменяемость власти (также с учетом специфики национальных законодательств) и многое другое.

В российском опыте важное место занимают попытки осуществить техническое перевооружение, технологическую модернизацию методами внеправового принуждения – попросту жестокого насилия. Речь идет о попытках модернизации в условиях всеобщего бесправия. И это, может быть, одна из самых важных русских тем.

А. Медушевский (напоминая о близости или даже равнозначности в данном контексте понятий «модернизация» и «реформа») выделяет три модели российских реформ. Им соответствуют и три реформационных периода: «петровский» с его опорой на принуждение и грубо-административные методы; пореформенный, связанный с вовлечением в общественную жизнь просвещенных кругов; и «стольпинский», вызванный к жизни широким протестным движением, но представляющийся воплощением умеренной консервативно-либеральной программы³.

У него же приводится интересный фрагмент о споре между Львом Толстым и Петром Столыпиным о значении частной собственности на землю. Толстой, как выразитель чаяний крестьянской массы, последовательно выступал в защиту крестьянской общины (разрушаемой стольпинской

2. Медушевский А.Н. Указ. соч. – С. 5.

3. Там же. – С. 84–85.

реформой), за то, чтобы сделать «пользование землей одинаково доступным всем». Отвергая все проекты земельной реформы (выдвинутые как левыми, так и правыми партиями), Толстой предлагал ввести собственность «всего народа на землю»⁴. Он рассчитывал таким образом лишить почвы революционные идеи и вообще возможную революцию. Столыпин же возлагал надежды на «врожденное чувство собственности» и полагал возможным постепенное распространение норм гражданского права на всё население страны.

В итоге было воплощено в жизнь то, что оказалось – в определенной мере – ближе именно представлениям великого русского писателя. Впрочем, национализация земли была связана уже с новой эпохой в жизни страны – эпохой, провозгласившей радикальный разрыв с прошлым. Планы пришедшей к власти группировки включали и ликвидацию частной земельной собственности, и искоренение частного предпринимательства. В определенном смысле почва для революционных идей действительно была ликвидирована, поскольку реализован был наиболее радикальный проект. Помимо этого большевики реально стремились модернизировать промышленность. «Большевистская модель реформ» более всего напоминала «петровскую», связанную с неправовым принуждением. Юрий Пивоваров пишет: «Коммунисты занялись модернизацией страны, заковав ее в рабство. Они по-варварски взялись за дело, которое цивилизованно делали Витте и Столыпин»⁵.

Попутно отметим, что модернизации по-советски (или по-большевистски) сопутствовали выхолащивание и принижение права, принятие советских конституций, игравших сугубо номинальную роль. Эти конституции и декоративные верховные советы должны были служить ширмой для террористической диктатуры, разных форм тоталитарного режима, в то время как Столыпину и его преемникам на посту главы правительства приходилось иметь дело со слабым, но вполне самостоятельным многопартийным парламентом и реальной системой права. С точки зрения истории конституционализма воцарение советского строя означало откат примерно на полтора столетия назад.

О властесобственности

Нас интересует именно правовой (или даже экономико-правовой) аспект данной модернизации по-большевистски. В ходе нее вопрос о собственности получил определенное решение, ставшее сущностью большевистского режима, «советской власти». Именно эта сущность – в несколько измененном виде – и была унаследована властью постсоветской. Эта сущность – слияние власти

4. Медушевский А.Н. Указ. соч. – С. 134–135.

5. Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 37.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

и собственности, иными словами, возможность лица или группы лиц, обладающих государственной властью, владеть и распоряжаться любым объектом собственности на территории страны.

Ю. Пивоваров ссылается на американского историка Ричарда Пайпса, который одним из первых дал четкое определение данного феномена: «Россия принадлежит *par excellence* к той категории государств, которые политическая и социологическая литература обычно определяет как “вотчинные” (*patrimonial*). В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель является одновременно и сувереном государства, и его собственником. Трудности, с которыми сопряжено поддержание режима такого типа перед лицом постоянно множасьихся контактов и соперничества с Западом, имеющим иную систему правления, породили в России состояние перманентного внутреннего напряжения»⁶.

Ю. Пивоваров предлагает новое понятие для обозначения данного феномена: «властесобственность». Оно представляется весьма удачным.

Тут мы подходим к одному важному выводу, уже нашедшему отражение в российской литературе: выводу о том, что сама перестройка конца 1980-х годов, в сущности (именно «в сущности»), была бунтом номенклатуры, вполне созревшей до обладания полноценными богатствами на правах полноценной собственности. Пивоваров использует для обозначения этого события термин из идеологического арсенала марксистов – получается выразительный образ: «Наши менеджеры (номенклатура) сумели перейти в совершенно новое качество, сбросив с себя пролетарские оковы – принципиально бессобственническую Систему. Кроме того, пролетарии-номенклатурщики захватили не просто собственность, “просто” в России не бывает. Они овладели **властесобственностью**, т.е. и государством, и экономикой. Вообще-то они пользовались всем этим и до революции 1989–1993 гг. Но именно “пользовались”, а не владели и не могли передать по наследству своим детям. Ныне – **могут**... Сторонники старой советской Системы, на чем свет стоит, ругают М.С. Горбачёва и его приспешников: они-де оказались слабаками, предателями, неадекватными, неумехами и т.п. “Ничего подобного”, – с возмущением возразим мы. – Напротив, М.С. Горбачёв и ведомое им руководство КПСС возглавили великий номенклатурный поход, номенклатурный транзит из страны (Системы) временно-условного обладания в страну (Систему) полностью-правового владения и распоряжения...»⁷

6. *Цит. по: Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 167.*

7. *Указ. соч. – С. 52–53.*

Разумеется, к номенклатурной революции демократические реформы конца 1980-х годов никак не могут быть сведены: «Права человека, правовое государство, политический плюрализм и толерантность, рыночная экономика и частная собственность, причастность к европейской цивилизации, высшие моральные (религиозные) ценности – вот, что было написано на знаменах освободительного, антисоветского и антикоммунистического демократического движения. У этого движения было два главных отряда – свободолюбивая интеллигенция (ядро – диссиденты-инакомыслящие) и прогрессивная номенклатура»⁸.

Здесь необходимо определенное уточнение. Притом, что объективно интересам части (все же, только части!) правящего слоя в СССР отвечали новые отношения собственности, номенклатурный слой в массе своей к этим отношениям не был вполне готов. Эти люди, занимавшие разные этажи административной власти, в общем, плохо представляли себе к чему перестройка и демократизация могут привести. Да, действительно, некое очень смутное недовольство зыбкостью своих прав, зыбкостью своего материального положения у части высших функционеров точно существовало. Некая неясность, а точнее ненадежность понятия «социалистическая собственность», равно как и права пользования госдачей вызывали фрустрации. Но в условиях того режима люди из номенклатуры довольно смутно представляли себе выход из положения. Революционный процесс шел мимо них. Главную роль в нем играла городская интеллигенция, а с 1989 г. еще и лидеры рабочего движения. Номенклатурный же слой разделился на множество групп, причем в революционных событиях участвовала самая малая их часть.

А. Медушевский в своем детальном исследовании рассматривает дискуссии о собственности в ходе заседаний съездов народных депутатов в 1989–1990 гг. Он констатирует отсутствие у советской элиты «рационального представления о собственности как правовом понятии» и «преобладание в целом метафизического и идеологизированного, т.е. вполне иррационального ее понимания, восходящего к устойчивым стереотипам традиционалистского коллективизма»⁹. И всё же итогом дискуссии можно считать «осторожный отказ от “социалистической собственности”», потому что собственность – везде собственность»¹⁰.

С последним выводом трудно не согласиться.

Размышляя о причинах краха советского режима и государства, именованного «СССР», А. Медушевский пишет об «основных теориях», объясняющих этот крах, и находит серьезные недостатки у каждой из них. Хотя

8. Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 54.

9. Медушевский А.Н. Указ. соч. – С. 328–329.

10. Указ. соч. – С. 330.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

вообще-то каждый из отмеченных им факторов (рост национализма на окраинах СССР, изменение национально-демографической ситуации, коллапс социалистической экономики, кризис модернизации, внешнее давление и т.д.) сыграл свою серьезную роль в процессе кризиса и крушения режима и может стать предметом отдельного анализа.

Попробуем сформулировать нашу точку зрения на данную проблему, тем более что она все чаще делается предметом острой политической полемики.

На наш взгляд, следует акцентировать внимание на том, что в 1985 г. Михаил Горбачёв оказался перед лицом тяжелого экономического кризиса, выражавшегося и в дефиците бюджета огромного государства, и в явном технологическом отставании. Фактически, под угрозой оказалось дальнейшее развитие страны и, в частности, модернизация экономики. Это позже признавалось и самим Горбачёвым, и его оппонентами.

Но попытки стимулировать рост (в частности, с помощью эмиссии) не дали ощутимого результата. К тому же в 1986 г. началось снижение цен на нефть. Горбачёву и его ближайшим соратникам, вероятно, к этому времени стало ясно, что без глубоких реформ не обойтись. Демократизация, начатая во второй половине 80-х, судя по всему, должна была расширить социальную базу таких реформ. Но по поводу их направленности и содержания полного согласия внутри правящей группы, кажется, не было до самого конца. Социальная база перестройки действительно расширилась. Но к 1990 г. кризис приобрел уже самые тяжелые формы – прежде всего, речь шла об остром товарном дефиците, который был следствием скрытой инфляции. Из 15 республик, входивших в СССР, в шести – в результате вполне реальной демократической реформы – сформировались широкие оппозиционные движения, допускавшие выход из Союза. Его окончательный распад, т.е. крах попыток сохранить в едином государстве хотя бы девять республик, был связан в основном с вполне конкретными событиями 1991 г. Прежде всего, с путчем ГКЧП и явным стремлением руководства крупнейшей республики, РСФСР, стать самостоятельным государством, не обремененным никакими союзными обязательствами.

Исходным условием развала Союза стал, на наш взгляд, тяжелый экономический кризис, из которого союзное руководство пыталось выйти, не решаясь на переход к рыночной экономике.

На этот переход решились новые руководители Российской Федерации. Новой экономике должна была соответствовать новая правовая система. Формально были созданы все условия для построения правового государства. В российскую Конституцию была инкорпорирована декларация о правах человека, была начата судебная реформа. Пришедшая к власти в РФ группа содействовала в ходе приватизации установлению контроля над важнейшими активами (прежде всего, в нефтегазовой отрасли и металлургии) узкого слоя

предпринимателей, близких (точнее приблизившихся) к власти. Эта группа нуворишей оказалась в привилегированном положении. Но в то же время они в полной мере могли чувствовать свою зависимость от власти. Их положение оказалось весьма зыбким. И если при первом российском президенте крупные собственники фактически были самостоятельной силой, пытавшейся влиять на власть, то при втором президенте самым крупным собственником снова стала сама власть. «Властесобственность» снова стала осязаемой реальностью.

Власть (в лице главы государства и его ближайшего окружения) дала понять, что именно она и является фактическим (а не номинальным) хозяином любых крупных активов, что при наличии у нее намерения как-либо распорядиться любым объектом собственности, не будут иметь значения никакие документы, свидетельствующие о правах и титулах. Роль судов в таких случаях свелась к оформлению начальственной государственной воли.

Что касается судов, то в течение первого десятилетия постсоветского режима действительно возникли определенные предпосылки для финансовой и политической независимости судебной системы от административной. Но в последующие 15 лет от этой независимости не осталось и следа. Администрации всех уровней (от президентской до районной), используя все необходимые рычаги (назначение судей, председателей судов и их замов, финансовое давление и т.п.), подчинили себе судей, покончив заодно и с принципом разделения властей.

Ряд судебных процессов, фигурантами которых были крупнейшие предприниматели (вроде Ходорковского, Гучериева, Чичваркина, Евтушенкова, Каменщика и др.), показали бизнес-сообществу, а заодно и рядовому гражданину, что право собственности – в классическом смысле – в государстве не защищено. То есть оно вроде бы есть – пока его субъект не вызвал раздражения у того или иного агента государства.

Закономерно чиновники самых разных уровней (опять же – от глав министерств и ведомств до глав районных администраций, их замов и руководителей департаментов) стали обладателями огромных состояний.

Ю. Пивоваров пишет: «Феномен властесобственности на этот раз возродился в самой чистой, еще более чистой, чем та, о которой мечтали первокоммунисты, форме – безо всяких ограничителей. Сегодня мы не обнаружили ни агрессивно жесткого мировоззрения, обуздывающего властесобственность, ни тех или иных религиозно-культурно-профессиональных запретов»¹¹. Впрочем, есть некоторые нюансы. «Властители сами стали собственниками в особо крупных размерах, но не частными собственниками

11. Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 171.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

в классическом смысле. Поскольку, если они начинают выпадать из Власти или, упаси Боже, конкурировать с ней, их гонят вон, или сажают»¹².

О конституционном кризисе

То, что такое положение ненормально, что оно служит одним из факторов стагнации – и в экономике, и в политике – сомнений не вызывает: «Современная “чистая” и без всяких ограничителей властесобственность не сможет долго существовать. Ей всё равно придется как-то меняться, на наш взгляд, вряд ли в сторону полного исчезновения. Скорее, она “придумает” себе какой-нибудь доселе неизвестный ограничитель»¹³.

Может ли служить таким ограничителем Конституция Российской Федерации 1993 г.? Насколько позволяет судить опыт двух десятилетий ее действия – нет. Изначальное ослабление в ней роли парламента и усиление президентской власти, а также последовательное усугубление этого исходного дефекта действиями всех трех российских президентов, практически, полностью исключили ограничительную – т.е. основную – функцию Конституции.

Ю. Пивоваров отмечает: «В силу различных, но совершенно реальных социальных и прочих причин все три российских президента (Б.Н. Ельцин, В.В. Путин, Д.А. Медведев) – разумеется, с разной интенсивностью и последовательностью – резко ограничили... демократические, либеральные возможности Конституции и усилили властно-авторитарные. При этом, используя свои практически неограниченные полномочия (по той же Конституции), они произвели ряд принципиально недемократических и даже отчасти антиконституционных (по духу) нововведений, естественно, закрепив их юридически»¹⁴.

Сформировавшаяся авторитарная конструкция власти, как мы знаем, может вызывать различные эмоциональные оценки, но сущность ее ни у кого сомнений не вызывает.

Примечательно, как в этом плане близки оценки двух цитируемых нами авторов: данная конструкция власти, по сути, означает возврат – нет, не в недавнее советское прошлое – но на столетие назад. А. Медушевский отмечает: «Российская форма правления представляет собой в известном смысле рационализированную версию дуалистической конституционной монархии, но не включает в то же время тех сдержек главы государства, которые

12. Пивоваров Ю.С. *Указ. соч.* – С. 171.

13. Там же. – С. 172.

14. Там же. – С. 182.

присущи данной форме правления... мы предложили бы интерпретировать эту систему как “мнимый конституционализм”¹⁵.

У Ю. Пивоварова схожие выводы: «Конституция 1993 г. есть “ремейк”, в основном и в целом, конституционных идей и практики дореволюционной России. В особенности это касается организации функционирования власти. Главное сходство конституций 1906 и 1993 гг. (и в то же время главное отличие от основных законов европейских стран) заключается в поставленной над системой разделения властей фигуре императора – президента... К чему это привело?... К превращению законодательных исполнительных и судебных органов власти в некие комиссии при президенте»¹⁶.

Эти оценки, которые мы вполне разделяем, означают вступление Российского государства в затяжной кризис. В значительной мере он обусловлен разрывом между положениями Конституции и реальностью. Условием выхода из кризиса и перехода к модернизации является восстановление и защита ряда фундаментальных прав, закрепленных в Конституции, но либо полностью игнорируемых государством, либо соблюдаемых выборочно, по случаю, в зависимости от отношения власти к субъекту права. Речь идет как о защите комплекса политических прав, так и права частной собственности.

Важнейшая задача – вероятно, задача на перспективу – восстановление правового характера государства. Если речь идет именно о правовых инструментах, то основное значение будут иметь новые законы, регулирующие порядок назначения и деятельности судей, укрепляющие независимость судов, а также нормы, усиливающие роль парламента. В последнем случае речь может идти и о поправках к Конституции – главному источнику парламентского права. Ю. Пивоваров выдвигает жесткую альтернативу: «Возможны два варианта развития событий. Либо общество и власть договорятся об изменении Конституции и приведении ее в соответствие с принципом народного суверенитета, либо в России в той или иной форме начнется гражданская война. Значит, остается единственный путь – изменение Конституции. При этом надо иметь в виду, что если в поисках нового, более совершенного и адекватного политико-правового устройства, хотя бы потенциально будет возрождена конструкция двоевластия, мы вновь заложим мину замедленного действия. Ревизия действующей Конституции не есть только перераспределение власти в пользу законодательных и судебных органов, не только “вписывание” института президента в систему разделения властей. Это сложная и тонкая работа по созданию очень дифференцированного, очень сложного механизма сдержек и противовесов»¹⁷.

15. Медушевский А.Н. Указ. соч. – С. 397–398.

16. Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 180–182.

17. Там же. – С. 185.

А. Медушевский осторожнее, но более конкретно говорит о возможности постепенного перехода от системы с однозначным доминированием президентской составляющей (в рамках смешанной формы правления) к президентско-парламентской или даже парламентско-президентской модели. Это, по его мнению, позволит ставить вопрос о конституционной ответственности правительства¹⁸.

Перспективы подобной реформы сегодня выглядят весьма туманно. Российское государство в нынешнем его состоянии более всего заинтересовано именно в сохранении status quo, подразумевающего и монополию на власть одной группы, и зависимость судов от администрации, и выборочное отношение к конституционным правам. Доводы в защиту данной модели сводятся в основном к тому, что Россия имеет право на самобытные институты и самобытную демократию. «Самобытность» сводится, как правило, к ограничениям реальной политической конкуренции, а также конституционных прав на митинги и демонстрации, на свободу массовой информации. Таким образом, разговоры о «самобытности», вроде бы, вполне оправданные, прикрывают в реальности вполне конкретную групповую или персональную пользу – стремление конкретного лица либо группы править бесконтрольно и бессрочно.

Представляется уместным привести рассуждение Валентины Лапаевой, разбирающей позицию сторонников status quo (противников модернизации правовой и политической систем) с теоретической точки зрения – в рамках дихотомии «модерн – постмодерн». «Применительно к правовому развитию, – считает В. Лапаева, – логика постмодернистов состоит в следующем: поскольку закон и суд, говорят они, в той или иной форме существуют в разных странах и в разные исторические эпохи, то существует и разное право, и разное правосудие. И если эти нормативные системы и эти институты разрешения правовых споров эффективно справляются со своими функциями, то нет никакого смысла сравнивать их с европейским правом и правосудием, потому что они представляют собой равноценную альтернативу западноевропейской правовой системе. Очевидно, что такой подход ограничен рамками позитивистской парадигмы правового мышления. Он рассматривает право с позиций юридического позитивизма в его легистской либо социологической, антропологической или психологической версиях, трактующих право как закон или как фактически сложившиеся социальные нормы, отношения, формы сознания и т.п. Отрицание наличия единого вектора правового разви-

18. Медушевский А.Н. Указ. соч. – С. 405.

тия связано в конечном итоге с отрицанием наличия того, что в философско-правовой традиции называется сущностью права»¹⁹.

Конечно, и опыт законодательства или правоприменительной практики в государствах ЕС или США можно и нужно воспринимать критически и осмысленно. Но, отмечает В. Лапаева: «Если мы хотим иметь позицию для критической оценки западноевропейской правовой практики, то это должна быть более высокая общечеловеческая правовая позиция, использующая в качестве критерия оценки принцип формального равенства, а не доправовые по своей сути доморощенные представления о некой российской правовой самобытности»²⁰.

Но, может быть, тяготение власти в России к авторитарным методам, к внеправовому принуждению и вконституционному (по сути) положению Первого лица есть часть российской правовой традиции, наследие многих поколений россиян – носителей монархического сознания? В этой связи одним из самых обсуждаемых остается вопрос: в какой мере современные трудности либеральных реформ определяются именно этой традицией, а в какой – сама эта традиция (или, точнее разные ее интерпретации) есть идеологически сконструированное явление?

Ответим однозначно: конечно, такая традиция есть, она не выдумана, не «сконструирована». И она, действительно, создает препятствия в конституционном ограничении государственной власти. Поэтому она есть то, что, с нашей точки зрения, нуждается в преодолении или, по крайней мере, серьезной трансформации. Право должно вытеснить традицию внеправового принуждения. Это именно та постановка вопроса, которую сформулировали русские либеральные и консервативные авторы (в основном остававшиеся монархистами) примерно столетие назад. Мы, следовательно, не пытаемся претендовать на новое слово в теории конституционализма в России, это слово уже было сказано.

И деятельность земских учреждений, и работа первых четырех Государственных дум, и опыт законодательства тех лет, и работа Временного правительства – это проявления и вехи развития уже совершенно другой традиции. Традиции, связанной с принятием ценностей равенства всех перед законом (независимо от сословного положения или близости к власти), ограничения власти, разделения властей.

Таким образом, настоятельной является необходимость развития именно этой, относительно новой и вполне демократической (или либерально-консервативной) традиции и отказа от самобытности, заключающей в себе тягу к самовластью и самодержавности.

19. Лапаева В.В. Указ. соч. – С. 74–75.

20. Там же. – С. 77.

Стремление уйти от общепринятых правовых стандартов именно к такой «самобытности», от общепризнанных принципов и норм международного права к изоляции означает уход от правового государства к полицейскому. И это достаточно серьезная угроза. Альтернативой модернизации правовой системы являются авторитаризм и автаркия.

Другая угроза – стагнация в экономике. Незащищенность прав означает незащищенность и права собственности. Одним из важнейших факторов кризиса стало постепенное ухудшение делового климата в стране, ослабление (или даже исчезновение) судебных гарантий от произвола силовых структур. Значительная часть предпринимателей осознала и осознает свою полную уязвимость.

Обмен мнениями по данной проблеме давно уже вышел за рамки сугубо академической дискуссии. Доводы и контрдоводы по этой теме звучат сверх-актуально. Причем, это тот случай, когда внутривосточный спор вызывает серьезный интерес и у западных авторов. На Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге в июне 2016 г. американский историк науки Лорен Грехэм попытался объяснить неудачу российской экономики в деле модернизации: «Руководители России пытаются провести модернизацию, но, к сожалению, в русле своих предшественников – царей и советских руководителей. Они пытаются отделить технологии от социополитических систем... Что это за элементы культуры, которые позволяют идеям превращаться в коммерчески успешные предприятия? Это демократическая форма правления. Свободный рынок, где инвесторам нужны новые технологии. Защита интеллектуальной собственности, контроль над коррупцией и преступностью. Правовая система, где обвиняемый имеет шанс оправдаться и доказать свою невиновность. Культура эта позволяет критические высказывания, допускает независимость. В ней можно потерпеть неудачу, но попытаться еще раз. Вот некоторые из “неосязаемых” характеристик инновационного общества...»²¹ Одним словом, очень важны проблемы права и правовой системы.

Это были выводы американского историка (русские выступающие на том форуме были, как водится, осторожнее). Но, в общем, и в русской общественной мысли эти доводы давно уже сформулированы. Оценки даны и перспективы намечены.

Подведем итоги. Конституционный кризис, переживаемый сейчас Российским государством, – это кризис разрыва между конституционными ограничениями и стремлением правящей в России группы к неограниченной и неконтролируемой власти. Данное противоречие отражено в работах ряда

21. <http://www.mk.ru/politics/2016/06/19/rossiya-rodina-slonov.html>

современных русских авторов. И это отрадное явление – хотя таких работ совсем немного. Один из главных вопросов, на которые пытаются ответить авторы этих работ: почему очередная попытка создать в России правовое государство обернулась возведением основ режима личной власти? Ответы достаточно развернутые и, в первую очередь, речь идет о концептуальных промахах авторов Конституции 1993 г. и последующей конституционной практике, постепенно усугублявшей изначальные противоречия. В конечном счете именно воля глав государства, стремившихся в течение последних 20 лет избавиться себя от любых сдержек и ограничений, воля, не встретившая серьезных возражений со стороны политической элиты, стала решающим фактором утраты государством как таковым правового характера (если, конечно, допустить, что оно этот характер в какой-то мере и на какое-то время приобрело).

Возвращение на путь строительства правового государства и оживление демократических институтов в любом случае требует воли политической элиты. Но вряд ли при этом можно рассчитывать на тех, кто фактически свел работу указанных институтов к имитации. И элита, и общество остаются расколотыми, причем стремление к тем или иным формам самоизоляции от сообщества правовых государств могут пользоваться и пользуются достаточно большой общественной поддержкой (в немалой степени обеспеченной государственными СМИ). Модернизация, подчеркнем еще раз, означает признание универсальности ряда ценностей, прежде всего фундаментальных прав человека – причем не на словах, а на деле. Отказ государства от этих ценностей крайне опасен для его граждан, оказывающихся бессильными и уязвимыми перед аппаратом насилия, но в конечном счете и для самого государства, оказывающегося бессильным перед стагнацией и отсталостью.